

Маленькие хитрости сценариста-интернационалиста

Известия. — 1999 —
14 янв. — С. 7

Ираклий Квирикадзе рассказывает о себе и о своей судьбе

Еще относительно недавно его имя было очень известным. Сейчас оно несколько подзабыто — в том смысле, что его не помнят все. Как, впрочем, и его фильмы. Но он много работает, ездит по миру. А в настоящее время автор «1001 рецепта влюбленного кулинара», режиссер «Кувшина», «Пловца» и многих других фильмов Ираклий Михайлович Квирикадзе работает в Москве. Почти пустая, без всяких излишеств квартира, только самое необходимое. На стенах — подаренные друзьями картины, среди них полотна однокурсника Ру-

стама Хамдамова. На полке под потолком — призы международных кинофестивалей. За окном — детский сад, деревья, окруженные со всех сторон домами: «Я специально поменял квартиру. И удобно, и природа еще заметна, и детский сад под окном, дети играют, кричат, смеются».

Ираклий Михайлович гостеприимно усадил меня за стол, поставив чайник, и сказал, что готов отвечать на любые вопросы. Вопросов было много, но все ответы соединились в один пространственный монолог.

Грузия

Я родился и вырос в Грузии. И «питаюсь» по сию пору Грузией. Она является главным арсеналом моего творчества. Хотя в последнее время я пишу не для грузинского кино. В свое время оно было очень известным. Но сейчас это в прошлом. Поневоле пришлось стать интернациональным сценаристом. Я работаю то во Франции, то в Германии. Несколько лет прожил в Америке. Много пишу, но о чем бы я ни писал на Востоке или Западе — это все грузинские сюжеты. Это моя маленькая хитрость. Я всегда пишу провинциальные истории, я убежден, что, скажем так: идея земли — она везде одинаковая. Есть некая демократичность человеческого общения вне центра. Понятно, что Нью-Йорк — это Нью-Йорк, но фермер в штате Невада почти неотличим от грузинского крестьянина. Такие же глаза, взгляд, такие же руки, он так же реагирует на события, так же смотрит на небо в ожидании дождя, у него те же печали — вот будет урожай. У него те же ритуалы — свадьбы, похороны. Хотя понятно, что фермер в Неваде имеет собственный трактор, а мой дед в Имеретии этого трактора не имел, но по человеческому типу они похожи. Мой отец был неуживчивый, более чем прозаичный человек — мясник. Мы все время переезжали с места на место. Ездили по маленьким провинциальным городкам. Там я и набрался тех впечатлений, что отразились в моих картинах.

Фильм «Пловец» вызвал огромный скандал. Снимать последующие фильмы дома не разрешали, и я поехал в Среднюю Азию, в Казахстан. У меня были какие-то представления о пустыне, восточной культуре, но больше я ничего не знал, а мне нужно было написать сценарий. Я взял хорошо мне известную грузинскую историю, поменял географию, имена, и неожиданно местным чиновникам это понравилось. Тогдашний председатель кинокомитета сказал мне: «Откуда ты так хорошо знаешь нашу действительность, наши аулы, наш быт?» Мне не хотелось разрушать его иллюзии, и я солгал, что жил в Казахстане во времена массовых сылок. И с тех пор я обнаглел. У меня есть сценарии, написанные во Франции для французов, в Америке — для американцев, а в общем-то, все это грузинские истории. Эти истории роились в моем воображении, и мне всегда хотелось их выплеснуть, но занятость режиссурой мешала. Болезнь отчасти содействовала тому, что я выволок себя из режиссерской деятельности, после чего и началось мое безудержное графоманство. Сейчас у меня нет времени писать сценарии для себя. Раньше я удовлетворял эту естественную потребность, когда сочинял сценарии для друзей, для жены (она тоже кинорежиссер), но оставалось очень много нереализованных замыслов, и я наивно решил, что теперь, бросив режиссуру, напишу те сюжеты, которые накопились, а потом снова вернусь в режиссуру. Дал себе некий отпуск на пять-шесть лет. Но не тут-то было: чем больше проходит времени, тем больше у меня нереализованных планов. А пишу я то, что имеет спрос.

Америка

В Америку я попал случайно. Я не эмигрировал, не бежал. В 1987-м по заказу французских продюсеров я писал во

Франции сценарий. Это была замечательная пора. Первое мое долгое пребывание на Западе. В 1991 году мне пришлось уехать по приглашению гильдии сценаристов в Голливуд. Там, в совершенно чужой стране, у меня случился сердечный приступ. Это было очень неожиданно, потому что я всегда себя считал спортивным человеком, много занимался спортом. Меня положили в больницу. Тогда я был на грани жизни и смерти, и после операции мне нужно было на некоторое время остаться в Америке, чтобы восстановиться. За операцию платила гильдия. Получилось так, что я стал там общаться с какими-то компаниями, студиями, и мне предложили писать сценарий. На эту работу уходило время, месяцы. Я все время упаковывал чемоданы, говорил, что уезжаю, но все не получалось. Так я прожил год. Потом началась неразбериха в Тбилиси, президентство Гамсахурдии. Я уже сам не мог понять, в какую Грузию я должен возвращаться. Тем более мои ближайшие друзья, когда мы созванивались, уговаривали меня задержаться в Америке. Конечно, у меня было желание вернуться домой, но появилась

увлекшая меня работа. Все смешалось в королевствах — российском, грузинском, поэтому уже по какой-то инерции, которую сам себе позволил, прижился в Америке и оброс знакомствами, обязательствами. Потом оттуда мне пришлось уехать в Германию. На год меня пригласили в Киноакадемию. Там я читал лекции, писал сценарий «Лунного папы» — это был немецкий заказ. В общем, жизнь меня завернула в обертку интернационального сценариста.

Фестивали

После фильма «Путешествие товарища Сталина в Африку» я больше не снимал сам как режиссер. Хотя в России картину и не показали, в Америке она прожила довольно значущую жизнь. Это экспериментальный фильм, и он хорошо шел на фестивалях. В Америке очень много неизвестных нам фестивалей. Около двухсот больших и маленьких. Фестивальная жизнь там совсем иная, чем здесь. Какой-то маленький городок вдруг объявляет фестиваль, потому что местные меценаты — торговцы, предположим, — хотят привлечь внимание к своему товару и броса-

ют клич. На это событие приезжают разные люди. Их шикарно принимают, поят вином. Мне довелось побывать на таком мероприятии. Оно называлось «Фестиваль винных стран». Что они имели в виду, я не знаю. В Америке можно целыми годами жить, переезжая с одного фестиваля на другой. Со своей картиной я разъезжал из городка в городок несколько месяцев. Это хороший способ узнать страну, но быстро надоедает. Хотя есть люди, которые занимаются этим профессионально. Профессиональные халевщики. Так же и в Грузии: есть группы людей, которые постоянно посещают свадьбы, похороны, хотя их никто никуда не зовет. Делается это так: на последней странице газеты обычно печатают сообщения о похоронах. На событие приезжают скорбные граждане в черных костюмах. Целая команда — мужчины, женщины. Они знают точно, что гроб надо выносить ногами вперед, что перед этим надо три раза бить по двери... Столь же квалифицированная и фестивальная команда. Все это люди с виду представительные. Киноведы, кинокритики, журналисты. Они съезжаются, как будто их послала туда газета. Как цыганский табор, они медленно перетекают с фестиваля на фестиваль. Я в какой-то момент в этот цыганский табор тоже попал и путешествовал с ним месяца три-четыре, на обоих побережьях Америки побывал. Так я открыл для себя Америку.

Кувшин

Вот интересно: «Кувшин» — история итальянская, а очень хорошо трансформировалась для грузинской действительности. Луиджи Пиранделло описал историю, случившуюся в Италии: о том, как один человек оказался в винном кувшине и не смог вылезти оттуда. По колориту, по нраву, по духу, темпераменту, роду деятельности — история грузинская. Кахетия, где происходит действие в моем фильме, — фантастическая страна. Осенью там собирают урожай — это три-четыре недели. В это время, если ты здороваешься, твои ладони слипаются с ладонями того, кому ты пожимаешь руку. Потому что у всех на руках виноградный сок. А ночью, если выйти на балкон, можно услышать, как кипит земля. Но на самом деле это виноград бурлит. Винные кувшины иногда взрываются — настолько сильная там происходит реакция. Вот это Кахетия. Такие же гигантские кувшины есть и в Италии. История, написанная век назад, оказалась абсолютно современной. И если итальянская история подходит под грузинскую реальность, то почему бы не сделать грузинские истории интернациональными.

Пушкин

Сейчас я дописываю сценарий о Пушкине. Писать о нем очень сложно. Я перечитал много разной литературы: и серьезной, и несерьезной, и старых, и новых авторов. Начав писать, я понял, что не могу просто так записывать биографические данные, мне захотелось Пушкина как-то оживить. Маяковский хорошо сказал: «Я люблю вас, но живого, а не мумию». Сам Пушкин позволяет это делать. Ведь он был весельчаком, дуэлянтом, хулиганом, женат, любил, невероятно озорным человеком. И когда я читал о его поступках (они ведь известны, о них много пишут), я подумал: почему рядом с этими поступками не могут быть выдуманные мною, в таком же духе, только, может быть, более кинематографические? Благо он позволяет фантазировать, додумывать.

Хор Харитона

В этом сценарии я писал историю из моего батумского детства. О том, как в маленьком городке соревнуются хоры. У нас в школе был учитель, который ничем иным, кроме хора, не интересовался. Он хотел,

чтобы наш хор победил в певческой олимпиаде. Целый год мы только и делали, что пели. А с ним произошло следующее. Он обожал играть в бильярд. У нашей школы была своя бильярдная. Здесь он проводил все свободное время. И однажды у него случился инсульт. Человеком он был солидным и плотным. Его уложили на бильярдный стол. Получилась белая гора. Когда он пришел в себя, то сразу же позвал наш хор. На батумской олимпиаде мы выиграли главный приз — сахарный бюст Ленина. Но теперь это история не грузинская, а греческая и снимает ее греческий режиссер Карантинаки.

Мечта

Когда я был мальчишкой, по соседству с нами жил человек, который работал в кинофикации. Мы с компанией ходили с ним плавать, он обучал нас делать стойку на руках и много рассказывал нам о том, как ездит на Каннский фестиваль, возит туда вино «Хванчару» и угощает им всемирно известных звезд. Он, конечно, врал, но идея о красивой киножизни запала в душу. Я вырезал из журналов кинодив и обклеивал ими потолок. Потом я забыл обо всем этом. Через несколько лет, когда я уже учился в Тбилисском университете, я за чем-то приехал в Москву. Я ехал в троллейбусе, а напротив меня села необычайно красивая негритянка. Тогда очень много негров было в Москве. Слышу, она говорит по-русски. Я забыл, куда я еду. Наши колени соприкасались. Я видел только ее. Особенно робким я не был, но тут оробел. Она доехала до какого-то здания. Оказалось, что это Институт кинематографии (ВГИК). Я зашел за ней внутрь, а ее и след простыл. А там была пора вступительных экзаменов. Абитуриенты суежились. Суматоха. Мне так все понравилось. И я туда поступил. То ли она не поступила, то ли еще что-то, но я ее больше не видел.

Лос-Анджелес

В Лос-Анджелесе многие одержимы мечтой написать сценарий, который бы купили за большие деньги. Там пишут все. Официанты, продавцы, полицейские. У них у всех кипы сценариев. В кафе-библиотеке, где я иногда сочиняю, создана специальная полубогемная-полудомашняя атмосфера. Стенки закрывают стеллажи с книгами. И десятки два столов. Старые столы, потрепанные кресла. Все посетители существуют в гордом одиночестве. Кто-то играет в шахматы, кто-то — в карты, кто-то печатает, кто-то обнимается, целуется, кто-то приходит на скрипке играть, но в основном — пишут. Я туда тоже прихожу. Со мной там писал один мальчик, который только начинал, а я был уже сценаристом. Мы с ним много говорили. Он мне рассказывал свой сценарий. Для меня это было полной ерундой. Через пару месяцев он появляется с шампанским. Оказывается, он продал этот сценарий за семьсот тысяч долларов. Это легко объяснить. Он молодой. Он прекрасно знает этот мир комиксов, построенный на компьютерных эффектах. Он написал ходовой товар, то, чего я никогда не смогу сделать. Не то, чтобы я не хотел. Я просто не умею это делать.

Жизнь

Я люблю жизнь и, несмотря ни на что, стараюсь быть оптимистом. Потом, у меня мало претензий к этой жизни, ведь многое зависит от нас. Я живу у письменного стола. За окном меняются виды: здесь у меня под окном детский сад, в Лос-Анджелесе — океан, в берлинском окне — туманный каменный город. Так же меняется и жизнь: удачи, неудачи; карнавал, тоска; номинация на «Оскар», тряска в ночном метро. Я живу. Может создаться впечатление, что у меня в жизни все складывается удачно, хотя, наверное, все так и есть...

Юлия СТЕПАНИШВИЛИ